

АЛИСА БЕСНОВА

СОМНАМБУЛА

КТО РЕШАЕТ, ЧТО ЛУЧШЕ ДЛЯ ТЕБЯ?

ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНЫ
ЧТОБЫ ЗАЩИЩАТЬ. НО ЧТО, ЕСЛИ ОНИ ВЫБЕРУТ ИНОЕ?

Алиса Беснова

СОМНАМБУЛА

<https://litres.ru/74341722>

SelfPub; 2026

Аннотация

В недалеком будущем взрослые научились регулировать эмоции детей с помощью нейроимпланта. Приглушить страх. Снизить агрессию. Остановить паническую атаку. Помочь ребёнку успокоиться, когда он сам не может.

И какое-то время всё действительно работает.

А потом в одно утро миллионы детей перестают реагировать на команды.

Просто перестают слушаться.

И постепенно становится понятно, что страшнее всего здесь не сбой системы и даже не то, что происходит с детьми.

Страшнее вопрос, который взрослые почему-то не задали раньше: а им вообще когда-нибудь принадлежало право решать, что ребёнок должен чувствовать?

«Проект Сомнамбула» — антиутопический технотриллер о контроле, свободе и той очень тонкой границе, за которой забота превращается во власть.

Содержание

Глава 1. Хороший день.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алиса Беснова

СОМНАМБУЛА

Глава 1. Хороший день.

На третьем «добро пожаловать» Никита понял: ему всё-таки устроили показуху.

— Добро пожаловать в нашу школу!

Мальчик стоял у прозрачной стены с клёнами и прижимал планшет к груди обеими руками. Лет десять, не больше. На Никиту он почти не смотрел — целился взглядом куда-то мимо, в пространство над его левым плечом.

— Спасибо.

Мальчик кивнул. Скосил взгляд на планшет, хотя видно было, что экран давно погас.

— Мы рады приветствовать одного из создателей программы «Сомнамбула».

Никита посмотрел на директора.

Та улыбнулась так, будто всё шло именно по плану.

Мальчик заметил её улыбку и тоже вспомнил, что должен.

— Очень рады, — добавил он.

— Охотно верю.

Мальчик наконец посмотрел прямо на него.

И по его лицу Никита понял, что хотя бы один человек в

этом холле оценил ответ правильно.

Он будто только и ждал этого ответа. Быстро кивнул, перехватил планшет под мышку и через несколько секунд уже исчез за стеклянной перегородкой. Попрощаться он забыл.

Марина Сергеевна проводила его взглядом.

— Участие в этом было сугубо их желанием.

— Конечно.

Она повернулась к Никите.

— Правда.

— Марина Сергеевна.

Она медленно выдохнула через нос.

— Никита Андреевич.

— Если ещё один ребёнок скажет мне, как рад приветствовать одного из создателей программы «Сомнамбула», я уеду.

Она даже замедлила шаг.

— Их никто не заставлял.

— Верю. Но этого достаточно.

— Хорошо. Без торжественной части.

— Вот теперь мы понимаем друг друга.

Вокруг них жил своей жизнью школьный холл: где-то хлопнула дверь, по лестнице пронеслась стайка младшеклассников, из-за стеклянной стены доносилось раздражённое «не трогай!». Марина Сергеевна будто ничего этого не слышала.

— Мне сказали, вы сложный человек.

— Кто?

— Петров.

Никита покосился на неё.

— И вы ему поверили?

Марина Сергеевна фыркнула и тут же прикрыла рот ладонью, будто сама не ожидала.

Никита улыбнулся.

— Ладно, — сказала она, опуская планшет. — Что вы хотите посмотреть?

Снаружи школа выглядела почти так же, как на старых фотографиях: четыре этажа светлого кирпича, широкое крыльцо, окна выше человеческого роста. Всё новое спрятали внутрь.

За одной дверью младшие классы орали так, будто кого-то делили на части, а через несколько шагов шум вдруг пропал — акустические панели гасили его вместе с эхом. У окон мартовское солнце заливало пол, и потолочный свет там почти не включался. Между кабинетами попадались небольшие ниши со скамьями, матовыми перегородками и мягким светом. Туда школьники уходили, когда из-за шума и толчеи хотелось немного побыть в тишине.

В коридоре пахло потом, выпечкой из столовой и ещё тем самым запахом, который Никита помнил с детства, но никогда не умел разобрать на составляющие. Проходя мимо окна, Никита выглянул во двор. Снег почти сошёл, оставив у дорожки несколько мутных луж. Дети их обходить даже не

думали.

На стекле поверх двора показалась строка:

11:42 · +4° · дождь после 16:00

Никита не задержал взгляд.

— Куда сначала?

Марина Сергеевна будто всё это время ждала именно этих слов. В руке у неё тут же снова появился планшет.

— Сначала лаборатория естественных наук. Потом адаптивная физкультура, после неё младшая проектная группа, и ещё мы хотели показать вам...

Справа что-то тяжело грохнуло.

Оба повернули головы.

Через секунду оттуда донеслось:

— Я же сказал не трогать!

— А я и не трогал!

— Ты держишь его в руке!

— Это не считается!

Никита уже смотрел в сторону доносившихся звуков.

Марина Сергеевна, словно ничего не произошло, продолжила:

— ...после чего старшая группа покажет вам проект по городской экологии. Они готовились почти две недели.

— А там что?

— Где?

Он кивнул в сторону голосов.

— Там.

Она проследила за его взглядом.

— Мастерская.

Оттуда донёсся ещё один удар. На этот раз металлический. Что-то покатилося по полу и закончилось коротким:

— Ой.

Никита свернул с намеченного маршрута.

— Никита Андреевич.

Он не остановился.

— У нас всё готово в лаборатории.

— Поэтому она никуда не денется.

— Вас ждут дети.

Никита оглянулся на неё через плечо.

— Пять минут.

— Вы обещали посмотреть программу.

— А я чем занимаюсь?

Он толкнул дверь мастерской.

Стоило открыть дверь, как школьный шум сменился разноголосицей в мастерской.

Тихо жужжали принтеры у дальней стены, кто-то испытывал маленький мотор, и тот раз за разом взвизгивал на высоких оборотах. Пахло нагретым пластиком и чем-то металлическим.

На длинных столах лежало всё сразу: разобранные датчики, платы, провода, прозрачные коробки с крепежом, детали, назначение которых Никита не понял с первого взгляда. Между ними стояли кружки, пеналы и валялись яблочные

огрызки.

Дети работали по двое и по трое. Почти никто не посмотрел на дверь.

Только двое у дальней стены были заняты явно не тем, чем следовало.

Один стоял на стуле и тянулся куда-то под потолок.

Второй держал в руке пластиковую голову с длинным клювом. Туловище лежало у его ног, отдельно от одного крыла.

— Это не динозавр, — сказал тот, что на стуле.

— Я знаю.

— Не знаешь.

— Знаю.

— Тогда зачем сказал, что динозавр?

Мальчик на стуле был худой, тёмноволосый, с чёлкой, которая всё время падала на глаза. Он сдувал её и снова тянулся к потолку, не прерывая спора.

Педагог у окна наконец заметил Никиту.

— Артём.

— Сейчас.

— Слезь со стула.

Артём вытянулся ещё выше. Стул под ним едва слышно скрипнул.

— Я достану и слезу.

— Артём.

— Мне не хватает пары сантиметров.

Никита проследил за его рукой и поднял голову.

Под потолком на тонких лесках висела собранная модель — длинный клюв, раскрытые крылья, вытянутая шея. Одной задней лапы не хватало: она застряла сверху, между креплением и световой рейкой.

— Три, — сказал Никита.

Артём наконец посмотрел вниз.

— Что?

— Сантиметра. Минимум.

Мальчик прищурился, оценил расстояние и вытянул руку ещё раз — уже, похоже, из принципа.

Несколько человек за соседними столами подняли головы.

Никита подошёл ближе.

— И это не динозавр.

Артём тут же развернулся к нему.

— Вот!

Он ткнул пальцем во второго мальчика так резко, что тот отшатнул голову.

— Я же говорил.

— Это никак не поможет тебе слезть со стула, — сказал педагог.

Никита оглядел стену с инструментами, нашёл длинный захват и снял его с крепления.

— Подвинься.

Артём послушался впервые за последние минуты.

Никита подцепил застрявшую деталь. Лапа сорвалась, стукнулась о металлический край рейки, и он поймал её второй рукой, не дав упасть.

Положил на стол.

Артём спрыгнул со стула.

— Птерозавр, — сказал он, будто разговор всё ещё продолжался.

— Это я уже понял.

— Птеранодон.

Никита посмотрел на модель.

— Тогда у вас проблема не только с лапой.

Артём нахмурился.

— Какая?

— Потом.

— Почему потом?

— Потому что ты сейчас снова полезешь на стул.

Артём подумал и нехотя признал:

— Ну да.

Второй мальчик фыркнул.

— Но динозавром он от этого всё равно не станет, — добавил Артём.

— Спасибо, — буркнул тот.

— Видишь?

Педагог прикрыл глаза.

— Артём. Пожалуйста.

— Всё. Я молчу.

Он выдержал секунды две.

Потом посмотрел на Никиту внимательнее.

— А вы правда Орлов?

Никита покосился на Марину Сергеевну.

Марина Сергеевна стояла в дверях. Планшет с расписанием всё ещё был у неё в руке, но на экран она уже не смотрела.

— Возможно, — ответил Никита.

Артём нахмурился.

— Нет, я серьёзно.

— Ну если серьёзно, то да.

Мальчик ещё раз посмотрел на его лицо, потом на служебный бейдж. Имени там не было — только фотография, уровень допуска и знак программы.

— Это вы придумали Сому?

На этот раз от работы отвлеклись ещё несколько человек.

Никита прислонился к краю стола.

— Нет.

Артём явно не предусмотрел такого варианта.

— А кто?

— Много людей.

— Но вы главный.

— Тоже нет.

— В интернете же написано.

— Нельзя верить всему, что написано в интернете.

За соседним столом кто-то тихо фыркнул.

Артём не отвлёкся.

— Папа сказал, вы придумали, как Сома понимает, что человек сейчас сорвётся.

Никита чуть качнул головой.

— Не понимает.

— В смысле?

— Она замечает, что человеку становится трудно себя остановить.

Артём задумался.

— Это же почти одно и то же.

— Почти — иногда очень важное слово.

— Почему?

— Потому что злиться можно сколько угодно. А вот ударить кого-нибудь — уже другое дело.

Артём секунду это обдумывал.

— Но модель-то вы делали?

— Одну из первых, — признал Никита.

— Значит, придумали.

— Часть.

— Всё состоит из частей.

Никита усмехнулся.

— Тут ты меня поймал.

Артём кивнул. Спор, по его мнению, был исчерпан.

На запястье у него был тёмный школьный браслет с матовым экраном. Такие мелькали по всей мастерской: у кого-то чёрные, у кого-то серые. Девочка за соседним столом заклеила свой жёлтой плёнкой и прилепила сверху наклейку

с толстым белым котом.

Артём поправил волосы, и Никита увидел за его левым ухом тонкий светлый рубец. Старый, аккуратный — уже почти слившийся с кожей.

Ничего необычного.

— А у вас есть? — спросил Артём.

— Что именно?

Мальчик ткнул пальцем себе за ухо.

— Сома.

— Нет.

— Почему?

— Мне не нужна.

Артём не отстал:

— А если понадобится?

— Пойду к врачу.

— Вы?

Никита посмотрел на него.

— А почему нет?

Артём это обдумал.

— Всё равно странно.

— Что именно?

— Вы Сому делали, а у самого её нет.

— Тебе когда-нибудь ставили пломбу?

— Ставили.

— И ты после этого спрашивал стоматолога, почему он не запломбировал себе все зубы?

Артём нахмурился.

— Если у него кариес, пусть пломбирует.

— Вот.

Мальчик ещё секунду смотрел на него.

— Сомы не пломба.

— К счастью.

У окна тихо засмеялся педагог.

Марина Сергеевна решила, что лучшего момента уже не будет.

— Никита Андреевич, через четыре минуты у нас занятие в спортзале.

— Помню.

Она посмотрела на него, потом на планшет в своей руке.

— Вы даже не открывали маршрут.

— Я видел заголовки.

— Это многое объясняет.

Никита направился к двери.

— Подождите.

Он оглянулся.

Артём держал отломанную лапу птеранодона.

— А чем это можно приклеить?

— Ничем.

— Почему?

— Снова отвалится.

Артём посмотрел сначала на лапу, потом на модель.

— Тогда как починить?

Никита вернулся на полшага и указал на место излома.

— Посади на ось.

— Она тогда будет двигаться.

— И что?

Артём уже не ответил.

Он приложил лапу к корпусу, повернул её один раз, потом в другую сторону.

Чёлка снова упала ему на глаза.

— Можно, — пробормотал он.

Никита улыбнулся.

— Вот и я о том.

На этот раз Артём даже не заметил, как он вышел.

Марина Сергеевна молчала до лестницы.

Потом всё-таки не выдержала:

— Он четыре дня делал эту модель.

— Теперь будет додумывать ещё как минимум один день.

— Его родители очень стараются научить его вовремя останавливаться.

— В споре?

— Когда это уже не спор. Когда ему становится важнее победить, чем понять, о чём вообще речь.

Никита оглянулся в сторону мастерской.

— И как, получается?

— Иногда.

— Сегодня, кажется, не вышло.

Она покосилась на него.

— Вы специально?

— Что именно?

— Поддержали его.

— Я исправил биологическую ошибку.

— А потом сами допустили инженерную.

— Это был педагогический приём.

— Разумеется.

На втором этаже шум становился громче с каждым шагом.

Откуда-то из-за поворота доносился скрип кроссовок по покрытию, короткие сигналы таймера и детский гул, который акустика уже не успевала съесть.

Напротив раздевалок висела таблица команд. Кто-то пририсовал синей команде чёрный череп и старательно подписал под ним: НЕУДАЧНИКИ.

Марина Сергеевна остановилась перед дверью спортзала.

— Здесь сегодня присутствуют родители.

Никита посмотрел на неё.

— И?

— Просто предупреждаю.

— Уже поздно.

— Вы ещё не вошли.

— Именно поэтому поздно.

Она покачала головой и открыла дверь.

Спортзал встретил их шумом.

По светлomu покрытию носились четыре команды. Мягкие мячи летали между детьми, цветные платформы вспы-

живали то у одной стены, то у другой, и каждый новый сигнал мгновенно менял направление всей этой беготни.

Никита не сразу понял правила.

Впрочем, дети, судя по крикам, тоже понимали их по-разному.

Вдоль стены сидели и стояли родители — кто с кофе, кто с телефоном, кто с курткой ребёнка на коленях. Женщина у края скамьи снимала игру, мужчина рядом читал что-то с браслета и лишь время от времени поднимал голову.

Инну Никита заметил сразу.

Она сидела на нижней скамье, зажав бумажный стакан между коленями, и не следила ни за мячом, ни за счётом.

Только за одним мальчиком.

Миша был в серой футболке и заметно вырос с прошлого года. Вытянулся, стал тоньше, волосы были коротко острижены.

Но двигался всё так же: чуть резче остальных. Никита подошёл к Инне сбоку.

— Кофе всё такой же отвратительный?

Она вздрогнула и едва не расплескала его.

— Господи.

— Значит, да.

Инна поднялась.

— Ты не можешь хотя бы иногда начинать разговор со слова «привет»?

— Привет.

— Поздновато исправляться.

Никита посмотрел на площадку.

— Он вытянулся.

— Не напоминай. За два месяца стало мало вообще всё. Штаны, форма, ботинки. Я подозреваю, что производители одежды делают это специально.

Миша поймал мяч почти у самой стены, развернулся и бросил в загоревшуюся платформу.

Синий квадрат погас за мгновение до попадания, и мяч отскочил в сторону.

Мальчик из другой команды что-то ему крикнул.

Миша ответил.

Никита слов не разобрал — их заглушили скрип кроссовок, удары мячей и голоса со всех сторон, — но Инна перестала улыбаться.

Миша повернулся к сопернику всем корпусом.

Левая рука сжалась. Плечи чуть поднялись. Подбородок подался вперёд.

Совсем немного.

Человек, который его не знал, скорее всего, ничего бы не заметил.

Но Инна заметила. И Никита тоже.

Мальчик напротив сказал ещё что-то и уже побежал дальше.

Учитель дал сигнал.

На дальней стене вспыхнула белая платформа. Кто-то

пронёсся мимо Миши, задел его плечом. Мяч ударился рядом об пол.

Миша резко обернулся.

На секунду замер. Потом шагнул назад. Ещё раз.

И сам ушёл с площадки.

Учитель проследил за ним, но свисток к губам не поднял.

— Всё нормально? — спросил Никита.

Инна уже поставила стакан на скамью.

— Пока да.

У двери спортзала была небольшая ниша, отделённая от зала матовой перегородкой. Скамья, приглушённый свет, ничего больше.

Миша сел с самого края.

Инна не сразу подошла к нему.

Остановилась рядом.

— Я здесь.

Он мотнул головой.

Она не стала ни спрашивать, что произошло, ни садиться вплотную. Просто опустила на другой конец скамьи.

Миша смотрел в пол.

Большим пальцем тёр указательный — нервно, быстро.

За перегородкой продолжалась игра. Свисток. Удар мяча. Чей-то радостный крик.

Никита остался у входа в нишу.

Привычка заставила его отметить время. Несколько секунд.

Десять.

Потом ещё.

Дыхание у Миши оставалось частым. Он зажмурился, открыл глаза, сжал колени ладонями.

Инна сидела рядом и ничего не делала.

Это было труднее всего.

Через некоторое время Миша поднял голову.

— Мам.

— Да?

Он помолчал.

— Немного.

Инна не потянулась к браслету.

— Сам?

Миша кивнул.

— Сам.

Он дважды коснулся боковой грани своего браслета.

На матовом экране появилась маленькая белая точка.

На секунду задержалась.

Стала зелёной.

И всё.

Миша закрыл глаза и прислонился затылком к стене.

Плечи всё ещё были подняты. Пальцы по-прежнему тёрлись друг о друга. Щёки оставались красными.

Только через несколько секунд он перестал дергать ногой.

Потом разжал руки.

За перегородкой кто-то снова засвистел.

Миша поморщился. Но остался сидеть.

Миша перестал тереть палец, но лицо оставалось напряжённым.

Потом он сказал:

— Он специально меня толкнул.

— Возможно, — ответила Инна.

Миша сразу повернул к ней голову.

— Не «возможно».

— Хорошо.

— Ты всегда говоришь «возможно», когда не веришь.

— Я говорю «возможно», когда не видела своими глазами.

— Он толкнул.

— Ладно.

— Не «ладно».

Инна посмотрела на Никиту.

— Видишь? Магия.

Миша только теперь заметил его у перегородки.

— Здравствуйте.

— Привет.

— Вы давно здесь?

— Достаточно.

Он подозрительно посмотрел на мать.

— Ты опять про меня рассказываешь?

— Пока только про ботинки, — сказал Никита.

Миша закатил глаза.

— Она всем рассказывает про ботинки.

— Потому что ты их стираешь как ластик, — сказала Инна.

— Я не стираю обувь.

— Тогда объясни мне, куда за месяц девается подошва.

— Я много хожу.

— Остальные тоже ходят.

— Значит, неправильно ходят.

Инна открыла рот, но ничего не нашлась ответить.

Никита усмехнулся.

Вот теперь всё было нормально.

Миша всё ещё злился — и уже доказывал матери, что человечество просто неправильно пользуется обувью.

Инна кивнула в сторону площадки.

— Вернёшься?

Миша посмотрел сквозь матовую перегородку.

Там уже шёл следующий раунд. Мальчик, с которым он поссорился, стоял у синей платформы и что-то кричал своим.

Миша помолчал.

— Да.

— Уверен?

Он посмотрел на мать.

— Мам.

— Всё. Молчу.

Миша встал.

Поправил футболку, шагнул к площадке — и остановил-

ся.

Обернулся к Никите.

— Я всё ещё на него злюсь.

— Хорошо.

Миша нахмурился.

— Почему хорошо?

Никита посмотрел на него.

— Потому что тебе не должно было стать всё равно.

Миша ещё секунду постоял, будто проверяя ответ по какой-то своей внутренней логике. Потом кивнул и побежал обратно на площадку.

Инна проследила до того момента, пока он не встроился в игру.

— Иногда я тебя ненавижу.

— За что на этот раз?

— За такие ответы.

— Что с ним было не так?

— Ничего.

Она помолчала.

— Вот именно.

Инна забрала со скамьи стакан, сделала глоток и тут же поморщилась.

— Господи. Из чего они варят это пойло?

— А я предупреждал.

— Ты хоть пробовал?

— Один раз.

— Когда?

— Два года назад.

Инна посмотрела на него.

— И до сих пор помнишь этот вкус?

— Некоторые травмы не проходят бесследно.

Она толкнула его локтем.

На площадке Миша снова оказался рядом с тем мальчиком. Что-то сказал ему.

Тот ответил.

Никита невольно задержал взгляд.

Никаких объятий. Никаких примирительных улыбок.

Мальчики просто одновременно пожали плечами и побежали в разные стороны за мячом.

Этого было достаточно.

— У него четыре месяца ни одного срабатывания Защиты, — сказала Инна.

Никита повернулся к ней.

— Четыре?

— В воскресенье будет.

Он видел эти четыре месяца в последнем отчёте. Но здесь, в спортзале, из уст Инны они звучали совсем иначе.

— Хорошо.

— Очень.

Она сказала это тихо и посмотрела на сына.

Пальцы у неё крепче сжали стакан.

Никита ничего не добавил.

— Поддержку сам просит? — спросил он через несколько секунд.

— Почти всегда.

— Ты запрашиваешь?

— Два раза за месяц. Один запрос система отклонила.

— Почему?

— Потому что я тревожная мать.

— В медицинской карте так и написано?

— После четырёх лет общения со мной могли уже добавить примечанием.

Никита усмехнулся.

Инна покрутила стакан между ладонями.

— На прошлой неделе проснулась ночью. Слышу — он ходит по квартире.

— И?

— Три часа утра.

Она пожала плечами, будто этого объяснения было достаточно.

Для неё, наверное, было.

— Я лежу и слушаю. Шаги туда. Потом обратно. Потом опять.

Никита уже понял.

— Запросила поддержку.

— Да.

— А Миша?

Инна прикрыла глаза.

— Пил воду.

— Так долго?

— Он искал свою бутылку. Потом решил, что вода из фильтра холоднее.

— Ну это вполне логично.

— Очень смешно.

— Система отказала?

Инна кивнула.

— «Вмешательство не показано».

— Значит, всё работает.

Она посмотрела на него.

— Вот это меня и бесит.

— Что именно?

— Когда железка оказывается спокойнее меня.

Никита снова перевёл взгляд на Мишу.

Тот спорил с судьёй о каком-то попадании и показывал обеими руками, где именно мяч коснулся платформы.

— Для этого мы её и делали.

Инна хотела что-то сказать, но возле входа раздался голос Марины Сергеевны:

— Никита Андреевич!

Рядом с директором уже стоял мужчина с камерой.

Никита посмотрел сначала на камеру, потом на Марину Сергеевну.

— Нет.

— Это школьный канал.

— Тем более.

— Всего два вопроса.

— Один.

— Два.

— Тогда ни одного.

— Никита Андреевич...

Инна наклонилась к нему.

— Знаешь, Петров про тебя не соврал.

Никита повернул голову.

— Так вот кто поставляет ему информацию.

Инна вскинула брови.

— Между прочим, я говорила ему вещи и похуже.

Никита уже шёл к двери.

Марина Сергеевна перехватила его у выхода.

— Пять минут.

— Четыре.

— Вы торгуетесь из принципа?

— Да.

Камеру держала старшекласница. Куратор медиаклуба стоял чуть в стороне, следил за звуком и, судя по всему, давно смирился с тем, что вмешиваться в её работу бесполезно.

Девочка проверила изображение, подняла на Никиту глаза.

— Можно сначала не про «Сомнамбулу»?

— Можно.

Марина Сергеевна заметно расслабилась.

— Каким вы были в школе?

Никита подумал.

— Неудобным.

Девочка улыбнулась.

— То есть ничего не изменилось?

Куратор за камерой кашлянул в кулак.

Марина Сергеевна медленно повернула к ней голову.

Никита усмехнулся.

— Следующий вопрос.

— Хорошо. Вы дрались?

— Иногда.

— Учились хорошо?

— По тем предметам, которые считал нужными.

— Учителя вас любили?

— Следующий вопрос.

Теперь засмеялся уже куратор.

Девочка явно решила, что четыре минуты стоит потратить именно так.

— Ладно. Теперь про Сому.

Марина Сергеевна снова насторожилась.

— Вы говорили, когда учились, таких имплантов ещё не было?

— Нет, не было.

— Вообще ни у кого?

— Насколько я знаю, ни у кого.

Она на секунду отвела камеру и посмотрела на него по-

верх экрана.

— А у нас почти у всех.

Никита ничего не сказал.

— Это нормально?

— В каком смысле?

Девочка нахмурилась.

— В прямом.

— Сейчас это норма.

Никита прислонился плечом к стене.

— Удобный ответ.

— Зато точный.

— Вы же сами их делаете.

— Поэтому и не люблю простые ответы про них.

У Марины Сергеевны палец замер над экраном планшета.

Девочка это заметила, но камеру не выключила.

— Вы бы своему ребёнку поставили?

Где-то на площадке раздался свисток. Следом — недовольный хор голосов.

Никита смотрел прямо в объектив.

— Если бы ему это было нужно — да.

— А если бы не было?

— Тогда нет.

Девочка несколько секунд молчала.

— Всё?

— Это я должен спросить.

Она взглянула на таймер.

— Четыре минуты двадцать секунд.

Никита посмотрел на Марину Сергеевну.

— Я требую компенсацию.

— Ещё один вопрос, — быстро сказала девочка.

— Нет.

— Он короткий.

— Все так говорят.

— Вы правда ненавидите школьный кофе?

Из-за камеры донёсся смех Инны.

Никита посмотрел в её сторону.

— Наконец-то журналистика.

На этом интервью закончилось.

После интервью маршрут Марины Сергеевны окончательно перестал быть маршрутом.

На биологии Никита задержался у двери ровно настолько, чтобы увидеть, как двое шестиклассников одновременно вцепились в один микроскоп.

— Я первый взял.

— Ты уже двадцать минут смотришь.

— Семнадцать.

— Это вообще не важно.

Учитель поднял голову от журнала.

Никита ожидал, что сейчас микроскоп отберут у обоих.

Учитель только сказал:

— Когда решите, чей он, позовите.

И снова уткнулся в экран.

Через минуту один из мальчишек уже ставил таймер на браслете.

В столовой Никита отказался от пирога, согласился на компот и почти сразу понял, что следовало поступить наоборот.

А на лестнице снова столкнулся с Артёмом.

Тот нёс птеранодона перед собой обеими руками. Той самой лапы на модели больше не было.

— Переделываю, — сообщил Артём вместо приветствия.

— Понял.

— Я придумал.

— Отлично. Что на этот раз?

Артём даже не обиделся.

— Там будет магнит.

Никита остановился на ступеньку ниже и посмотрел на крепление.

— Плохая идея.

— Почему?

— Потом поймёшь.

— Вы знаете, почему.

— Знаю.

— И специально не говорите?

— Да.

Артём прижал модель к груди.

— Нечестно.

— Зато этот проект ты запомнишь.

Мальчик секунду смотрел на него.

Потом вдруг ухмыльнулся.

— А если получится?

— Тогда запомню я.

Артёму этот ответ понравился больше. Он развернулся и побежал вверх по лестнице.

— Не бегать! — крикнула ему вслед Марина Сергеевна.

Сверху сразу донеслось:

— Я не бегу!

Шаги при этом только участились.

К лаборатории естественных наук они добрались уже после обеда.

Дети, которых Марина Сергеевна собиралась там показывать, разошлись. На большом экране остался первый слайд презентации:

ПЯТЬ ЛЕТ ГОРОДСКОЙ ПРОГРАММЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ НЕЙРОПОДДЕРЖКИ

Под заголовком стояли логотипы, диаграмма и фотография улыбающегося класса.

Марина Сергеевна посмотрела сначала на пустые столы, потом на Никиту.

— Ну вот.

— Что?

— Вы всё сорвали.

Никита прошёл между столами.

Возле окна стояли учебные террариумы. В одном копо-

шились насекомые, второй оказался пуст.

Он наклонился к стеклу.

— А где агама?

— В клинике.

Никита выпрямился.

— Что случилось?

— Съела кусок мягкого конструктора.

Он посмотрел на неё.

— Большой?

— Конструктор?

— Кусок.

— Достаточный, чтобы ветеринар выучил наш номер телефона.

Никита ещё раз заглянул в пустой террариум.

— Дети виноваты?

— Нет. Агама открыла контейнер сама.

— Смышлёная.

— Именно это ей и мешает.

Он закрыл дверцу.

За спиной по экрану всё ещё светились аккуратные диаграммы про снижение рисков, эффективность поддержки и охват программы.

Никита посмотрел на них, потом на пустой террариум.

— Значит, хороший день.

Марина Сергеевна проследила за его взглядом.

— Агама в клинике.

— Но живая.

Она хотела что-то возразить, потом передумала.

Погасила презентацию.

— Хотите хотя бы кофе?

— Нет.

— Вот это правильное решение.

До самого выхода его наконец проводили без учеников.

После всего произошедшего это казалось роскошью.

Холл опустел. Родители разошлись, старшие уже были на обеде, и только где-то этажом выше ещё хлопали двери.

Никита застегнул пальто и уже направился к выходу, когда услышал за спиной:

— Простите.

Он обернулся.

Женщина быстро спускалась по лестнице, придерживая одной рукой сумку. Никита её узнал, но не сразу вспомнил, откуда знает.

— Вы Никита Орлов?

— Да.

— Я мама Вики Соколовой.

Теперь он вспомнил.

Соколова. Двенадцать лет. Два года назад мать сопровождала её почти везде.

— Как Вика?

— Хорошо.

Слишком быстрый ответ.

Женщина остановилась перед ним и поправила ремень сумки, хотя тот и так лежал нормально.

— Я не буду вас долго задерживать.

— Хорошо.

Она будто ожидала другой реакции и на секунду сбилась.

— Я просто хотела сказать... Вчера она осталась на тренировке одна.

Никита не сразу понял, почему это важно.

Женщина увидела его замешательство.

— Без меня.

Теперь Никита понял.

— Я её привезла, как обычно. Села возле раздевалки. Она вышла уже переодетая и говорит: «Мам, можешь ехать».

Женщина коротко улыбнулась.

— Я решила, что ослышалась. Сказала: «Куда?» Она на меня смотрит: «Домой».

Никита тоже улыбнулся.

— И вы уехали?

— Не сразу.

Она опустила глаза.

— Минут пять ещё сидела там. Потом Вика снова вышла и спросила, почему я не уехала.

— Тогда пришлось.

— Пришлось.

Она выдохнула через нос и покачала головой.

— До дома доехала. А зайти не смогла.

Никита ничего не сказал.

— Сидела в машине.

Теперь она уже улыбалась сама над собой.

— Полчаса.

— Понимаю.

— Потом всё-таки поднялась.

Она посмотрела куда-то за его плечо, на пустую лестницу.

— А после тренировки Вика позвонила и сказала, чтобы я не приезжала. Они с девочками пойдут за мороженым.

Последние слова она произнесла еле слышно.

Будто именно мороженое было самым невероятным во всей истории.

Несколько секунд они молчали.

— Вот и всё, — сказала она наконец. — Я просто хотела вас поблагодарить.

Никита качнул головой.

— Это не меня благодарить надо.

— Я знаю, что там целая команда.

— Я не про команду.

Она посмотрела на него.

— Вика сама попросила вас уехать. Сама осталась. Потом сама позвонила. Это был её выбор.

Женщина долго смотрела на него.

Потом кивнула.

— Да.

Она сжала губы, полезла в сумку, ничего оттуда не доста-

ла.

— Да. Наверное.

Никита не стал поправлять.

— Хорошего дня.

— И вам.

Он вышел на улицу.

После тёплой школы мартовская погода оказался морознее, чем ощущалось через стекло. Воздух пах мокрым асфальтом и снегом.

Во дворе оставались двое мальчишек. Один пытался продавить ботинком рыхлый сугроб у ограды.

— Там лёд, — предупреждал второй.

Первый всё равно наступил.

Нога провалилась почти по щиколотку.

— Я же сказал.

— Я просто проверял.

Никита невольно усмехнулся.

Машина стояла на школьной парковке через дорогу.

Он дошёл до перехода. В кармане завибрировал телефон.

Петров.

Никита ответил.

— Да.

— Закончил?

— Почти.

— Как прошло?

Он оглянулся на школу.

В одном из окон мелькнул Артём с птеранодоном в руках.

— Хороший день.

— Бывают и такие.

Никита посмотрел на светофор.

— Что случилось?

— Почему сразу случилось?

— Потому что ты звонишь мне днём.

Петров хмыкнул.

— Комиссия перенесла слушания по «Контур».

Зелёный загорелся.

Никита не пошёл.

— На когда?

— Конец апреля.

— Это почти на месяц раньше.

— Спасибо, я тоже видел календарь.

— Причина?

— Последние результаты пилота.

За его спиной пискнул светофор, предупреждая, что переход заканчивается.

Никита всё ещё стоял на месте.

— Они хотят расширение?

— Они хотят обсудить расширение.

— Это не одно и то же.

— Поэтому я звоню тебе, а не открываю шампанское.

Машина на другой стороне улицы коротко моргнула огнями.

— Документы когда будут?

— Сегодня вечером.

— Сырые данные тоже пришли.

— Уже?

Когда зелёный загорелся снова, Никита наконец перешёл дорогу.

— Елена знает?

На том конце возникла пауза.

Совсем короткая.

— Нет.

— Тогда я сам скажу.

— На это я и рассчитывал.

Никита открыл дверь машины.

— Серёж.

— Да?

— В следующий раз, если мне опять выстроят детей рассказывать, как они счастливы благодаря программе, я развернусь и уеду.

— Каких детей?

Никита замер с рукой на двери.

— Понятно.

Петров засмеялся.

— Хорошего вечера.

— И тебе.

Он отключился.

На экране уже висело новое письмо.

CONTOUR Расширение автономного клинического протокола

Сорок семь приложений.

Никита пролистал первые названия.

Результаты пилота. Сравнительные группы. Побочные события.

Палец задержался на следующем:

Предлагаемые границы автономного вмешательства.

Никита Задержал палец над файлом, но открывать не стал. Погасил экран и бросил телефон на соседнее сиденье. Вечером.

Он завёл машину и выехал со школьной парковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.